

Лекция 1. Народные сказки и русский характер

Значение сказки при изучении русского характера

Отличительные особенности русского характера и образа жизни нашли свое отражение в русских народных сказках. Сказки — источник древний и чрезвычайно важный для понимания культурных особенностей различных народов. Одновременно с этим они являются прекрасным подтверждением существования национальных характеров. Хотя сказки схожи по сюжетам, в разных странах у них свои герои, свои выходы из ситуаций, свои национальные идеи и идеалы. Они знакомы всем, и именно с анализа русских сказок надо начать знакомство с русским миром.

Корнями сказки уходят в далекое прошлое. Невозможно определить время их появления. До сегодняшнего дня многие из них дошли в смешанном виде: именно этим объясняется переплетение самых разных слоев и тем. Христианство, язычество и более древние и темные верования гармонично переплетаются в сказке в единое художественное целое, и это смешение никого не удивляет и не удивляло. Герой молится Богу перед дальней дорогой, так же естественно произносит магические заклинания и пользуется услугами сил природы. Из каких глубин истории приплыли чудо-юдо рыбы-киты, прилетели змеи горынычи, вылезли кощеи бессмертные, сказать трудно. Но очевидно, что они пришли из тех далеких времен, когда человек считал солнце, луну, ветер и деревья своими соседями и существами одушевленными.

Сказки стали записываться довольно поздно. Они представляют собой устное народное творчество, и в этом их важнейшая особенность. Проходя через различные эпохи, они впитывали их дух, настроения и интересы. Но многое потом снова уходило, а то, что оставалось, представляло собой те универсальные народные идеалы, которые не зависят от сиюминутности, вечны. Также и с местом: в разных регионах России сказки имеют местный колорит, где-то герой скачет по мхам и болотам, а где-то по лесам, но суть их от этого не меняется.

Еще одной особенностью сказок является тот факт, что они всегда были распространены повсеместно, в самых разных слоях общества. А значит, являлись своеобразным объединителем общества: носителем национальных идеалов, которые одинаково близки и понятны бедным и богатым, горожанам и деревенским жителям, людям образованным и не очень. Известно, что сказки были больше всего распространены в крестьянской среде. Большое значение они имели для артельных рабочих, солдат,

охотников. Есть исторические сведения о том, что до XVIII в. сказочники состояли и в царской свите, развлекая высокородных особ своими историями, за что их щедро вознаграждали.

Даже в период повсеместного «офранцуживания» русского дворянства сказка возвращала к национальным основам, поддерживала связь поколений, объединяла столь отделившиеся друг от друга слои русского общества. Хорошо известно высказывание А. С. Пушкина, которое содержится в письме к брату из Михайловского: «Знаешь мои занятия? До обеда пишу записки, обедаю поздно; после обеда езжу верхом, вечером слушаю сказки — и вознаграждаю тем недостатки проклятого своего воспитания. Что за прелесть эти сказки! Каждая есть поэма»¹. Но не только знаменитая Арина Родионовна рассказывала вечерами сказки великому поэту, нянюшки и мамушки по всей стране приобщали своих господ, предпочитавших французский язык русскому, к сокровищам народной культуры. Множество дневниковых свидетельств говорит об этом, так же как и распространенность литературной сказки (т. е. авторски переработанного сказочного сюжета) в XIX в.

Воспитательную роль сказки трудно переоценить. Для большинства детей именно со сказки начинается знакомство с художественным словом и постижение основ человеческой премудрости. С младенчества усваиваются многие истины, которые незаметно, спрятав их за интригующим и таинственным сюжетом, преподносит народная сказка. И родители, рассказывая или читая сказки своим детям, как бы заново повторяют урок, освежают в памяти те идеалы, которые они, в свою очередь, слышали в детстве от родителей или соседей. В этом проявляется двойственная роль сказок: они не только отражают особенности национального характера, но и активно его формируют, с раннего возраста давая детям готовые формулы и идеалы.

Значение сказки высоко оценивали русские ученые и мыслители. Философ Иван Ильин, выступая в Берлине на «Вечере русской сказки» в 1934 г., подчеркнул ее значение как хранилища национальной мудрости. «В русских сказках русский народ пытался распутать и развязать узлы своего национального характера, высказать свое национальное мироощущение, наставить своих детей в первобытной, но глубокой жизненной мудрости, — разрешая лежавшие на его сердце жизненные, нравственные, семейные, бытовые и государственные вопросы. И сказки русские — просты и глубоки, как сама русская душа. Они всегда юны и наивны, как дитя; и всегда древни и мудры, как прабабушка...»²

Единого мнения о происхождении сказки и ее истоках нет, да и быть не может. Зародившись в древности и пройдя через многовековые устные пересказы, сказка

трансформировалась, менялась, обростала деталями из разных эпох и периодов. Основные концепции, существующие в науке, сводятся к следующему.

Первые исследователи сказок считали, что существовала некая единая индоевропейская основа, из которой происходят все сказки, подобно тому как признается в науке существование единой прародины европейских языков. Этот некогда единый пранарод, говоривший на одном языке и имевший общие мифы, ставшие основой для сказок, расселился со временем, и образовались отдельные народы, чьи языки (и сказки) хотя и отличны друг от друга, но сохраняют черты прежнего родства. Именно поэтому сказки разных народов имеют общие сюжеты и мотивы, но излагаются по-разному, в зависимости от характера рассказывающего их народа.

Компаративисты искали совпадения в восточных и европейских сказках, исторические соответствия в их сюжетных построениях, именах героев, мотивах и образах. Сопоставлялись сказки самых разных народов, проводились соответствия, делались попытки выявить первоначальную основу, а главное, — найти древнейший первоисточник каждой сказки. Чаще всего его находили на Востоке, особенно в Индии, иногда в древнем Египте, реже в Европе.

Поиск первоначального источника и затем путей распространения сказки в европейских и других странах составляли основу научных исследований сторонников данного направления. В сущности, в основе его лежит идея заимствования: согласно ей большинство народов просто усвоили чужие сюжеты, пришедшие к некоторым из них достаточно поздно. Однако в трудах лучших исследователей отмечается тот факт, что подобное заимствование не могло быть механистическим: «Усвоение пришлого сказочного материала немыслимо без известного предрасположения к нему в воспринимающей среде. Сходное притягивается сходным, хотя бы сходство было и неабсолютное... С этой точки зрения в каждой сказке должно быть и свое и чужое, теория заимствования подает руку теории самозарождения»³. То есть с одной стороны, должен был проводиться отбор сказок, наиболее близких данному народу, а с другой — их творческая переработка в соответствии с особенностями национального характера.

В рамках антропологической школы складывается теория о единой бытовой и психологической основе самозарождения сказочных сюжетов (широкое распространение получила прежде всего в Англии, ее основателем считается Э. Тэйлор). Изучив сказки народов всего мира, ученые пришли к выводу, что ни единая первооснова, ни заимствования не играют никакой роли в том, что народы, проживающие в разных уголках планеты, имеют схожие сказочные сюжеты. По их мнению, дело просто в человеческой психике, законы которой едины для всех народов.

Согласно теории Тэйлора, все народы проходят одинаковый путь развития. Причем развитие идет эволюционным путем — от менее совершенного к более совершенному. «Совершенными», естественно, являются так называемые цивилизованные государства, т. е. в первую очередь европейские и американские, а «несовершенными» — дикари, живущие племенным сообществом. Таким образом, для того чтобы узнать, как выглядели европейские народы в древности, надо отправиться куда-нибудь к островам Полинезии или в глубину африканского континента и понаблюдать за поведением и обрядами живущих там народов.

Все эти школы и направления не дают окончательного ответа о происхождении сказок. Вместе с тем все они подтверждают возможность изучения сказок с точки зрения национальных характеров. Если источник сказок был единым, а потом они получили национальное наполнение, значит сопоставление вариантов, существующих в разных странах, дает возможность изучать национальные отличия. В случае заимствования ситуация не меняется: какие сюжеты заимствовались, как преобразовались характеры, образы и ситуации на иной почве, и здесь сравнение даст возможность выявить национальные черты. Если же похожие сказки возникали независимо друг от друга, то и в этом случае различие между ними демонстрирует особенности психического склада того или иного народа. В любом случае очевидно, что именно сказки, по каким бы то ни было причинам единые в своей основе, дают богатый, яркий и наглядный материал для изучения национальных характеров. В этом их огромное значение при изучении различных народов, особенно тех, у которых популярность и широкое распространение сказки сохранялись на протяжении многих веков и продолжают сохраняться. К их числу относится и русский народ.

Итак, популярность различных сюжетов в разных странах, герои и другие персонажи, ситуации, в которых они оказываются, — все это отражает национальные особенности тех народов, которые эти сказки рассказывают. Не случайно веселая сказка о трех поросятах, которые строят себе домики из соломы, хвороста и кирпичей, родилась в Англии, так же как и поговорка «Мой дом — моя крепость». В стране, где концепция дома занимает ключевое значение в культуре и характере, поросенок, построивший дом из кирпича, не мог не стать героем сказки. А дети получают с детства урок — когда строишь дом, ничего не жалеешь для этого, он не должен быть из соломы или хвороста, а самым что ни на есть прочным и настоящим.

Другой пример. Английская сказка «Дочь морского царя» рассказывает о морской девице-тюлене, которая, как и ее братья и сестры, раз в год сбрасывала тюленью шкурку и становилась прекрасной девушкой. Случайно ее увидел и полюбил рыбак, который украл

ее шкурку. Не имея возможности вернуться в море, дева была вынуждена выйти за него замуж. Они прожили долгую жизнь на берегу моря, родили много детей, но однажды дева (напомним, теперь уже жена и мать) нашла свою старую шкурку. Страшно обрадовавшись и ни минуты не раздумывая, она надела ее на себя и уплыла в море. Щемящей нотой (для русского читателя) жалости к оставленной ею семье заканчивается сказка: «Только раз она оглянулась на домик, где хоть и жила против воли, но все же познала маленькое счастье. Шумел прибой, на сушу катились волны Атлантического океана, и пена их окаймляла берег. За этой пенной каймой стояли несчастные дети рыбака. Дочь морского короля видела их, но зов моря громче звучал у нее в душе, чем плач ее детей, рожденных на земле. И она плыла все дальше и дальше и пела от радости и счастья»⁴. Трудно представить такого рода «счастливый конец» для русской сказки, в которой незыблемы семейные устои, а тем более все, что связано с материнством. Но у англичан с морем особые отношения, и зов моря, его притяжение им понятны и близки.

А вот как выглядит вариант подобной сказки на русской почве⁵. В ней тоже участвует дочь морского царя — Василиса Премудрая. Ее одежду похищает герой, она вынуждена отстать от своих сестер. Но на этом сходство с английской сказкой заканчивается. Василиса сама предлагает Ивану-царевичу стать ее мужем, раз уж он похитил ее рубашку, видимо увидев в этом некий перст судьбы. Потом помогает ему выполнить задачи, которые ставит перед ним ее отец — морской царь. А когда его одолела тоска по родине, помогает ему бежать и сама бежит с ним к людям, хотя и знает, будучи Премудрой, что он ее там забудет. В русском варианте не свободная дочь морской стихии бросает своего земного мужа (а заодно и детей), как это было в английском варианте, а царевич забывает о морской царевне от радости, что вернулся на родину, на «святую Русь». «Пришел Иван-царевич во дворец, — рассказывает сказка, — увидели его родители, бросились ему на шею и стали целовать-миловать его; на радостях позабыл Иван-царевич про Василису Премудрую»⁶. Только любовь, преданность и сила его возлюбленной соединили героев, так что они «стали все вместе жить да поживать да добра наживать».

Французские сказки лучше всего известны в пересказе Шарля Перро. Конечно, они подверглись литературной обработке и отошли от первоначального народного оригинала. С другой стороны, Перро отобрал наиболее популярные и понятные французскому читателю истории, так что их можно считать вполне представительными для французской культуры. Сказка «Ослиная шкура» начинается вполне традиционно: жили-были король с королевой, любили друг друга, но не было у них детей. Тогда они взяли на воспитание дочь своего умершего друга и полюбили ее как родную. Здесь все понятно и просто. Но дальше начинаются неожиданности. Королева умерла, и король очень сильно

затосковал, потому что очень любил ее. Он и слышать не хотел ничего о новой женитьбе, пока ему не указали на его воспитанницу. Тут король потерял голову и стал вести себя совершенно неразумно, силой принуждая девушку выйти за него замуж. Охваченный страстью, он из хорошего доброго персонажа превратился в главного гонителя и преследователя. Подобного рода «греховная страсть» к своей почти дочери крайне редко встречается в русских вариантах.

Обращение девушки к тетке-волшебнице и следование ее советам не привело ни к каким результатам, кроме получения трех прекрасных платьев, цвета неба, луны и солнца, которые девушка предусмотрительно захватила с собой, убегая от короля. Такой практицизм также слегка шокирует русского читателя, привыкшего к сказкам, в которых героини всегда бескорыстны. Обернувшись, правда, в шкуру убитого по ее просьбе осла, чтобы ее никто не узнал и не поймал. Платья ей все жегодились — в тот момент, когда она, скинув шкуру, примеряла одно из платьев, чтобы полюбоваться собой, ее увидел во всем великолепии королевич, влюбился и в конце концов женился. В русских сказках очень силен принцип «Полюбите нас грязненькими, а чистенькими нас каждый полюбит», а красота и великолепие невесты являются в конце наградой за любовь.

Национальные особенности заметны и во французской сказке «Рике с хохолком». Ее герой некрасив, но очень умен. Две сестры, королевны из соседней страны, родились одновременно, но совсем непохожи друг на друга: одна — прекрасная лицом, но совершенно глупая, другая — умная, но некрасивая. Казалось бы, ожидаешь некоего любовного треугольника с вытекающей финальной моралью, что красота — это не так важно по сравнению с умом и хорошим характером. Именно к этому, скорее всего, и пришла бы русская сказка. Во французской качества характера героинь вообще не упоминаются, а вот красота и ум имеют решающее значение. И определяющее. Вполне логично и объяснимо (хотя и не законам русской сказки) герой предпочитает красавицу, подарив ей частицу своего ума, а красавица выходит замуж за умника, предварительно убедившись, что он похорошел благодаря волшебству. Совершенно в стороне остается некрасивая, но умная героиня, ее полностью затмевает поумневшая красавица-сестра. Русский читатель, тайно сочувствуя некрасивой умнице, все ждет, что ее как-то наградят. Но нет — торжествует красота. А некрасивая сестра постепенно озлобляется от зависти (это остается за пределами сказки, но как-то напрашивается всей логикой повествования).

Показательные результаты дает сравнение двух сказок с общей основой: немецкой «Метелица» и русской «Морозко». «Морозко» вообще является очень характерной для русской культуры сказкой и не только потому, что связана с морозной снежной темой, которую традиционно считают очень русской. Русскость ее гораздо глубже. Сюжет ее

прост: живут дед с бабой и дочерьми, старшая — падчерица, нелюбимая мачехой и сестрами. Надоела она бабе своей красотой, послушанием и прилежанием, и велела мачеха деду отвезти ее в лес и оставить под сосной. Дело было в разгар зимы, так что судьба девушки была predetermined. Вот как описывает сказка дальнейшие события: «Девушка сидит да дрожит; озноб ее пробрал. Хотела она выть, да сил не было: одни зубы только постукивают. Вдруг слышит: невдалеке Морозко на елке потрескивает, с елки на елку поскакивает да пощелкивает. Очутился он и на той сосне, под коей девица сидит, и сверху ей говорит: “Тепло ли те, девица?” — “Тепло, тепло, батюшко-Морозушко!” Морозко стал ниже спускаться, больше потрескивать и пощелкивать. Мороз спросил девицу: “Тепло ли те, девица? Тепло ли те, красная?” Девица чуть дух переводит, но еще говорит: “Тепло, Морозушко! Тепло, батюшко!” Мороз пуще затрещал и сильнее защелкал и девице сказал: “Тепло ли те, девица? Тепло ли те, красная? Тепло ли те, лапушка?” Девица окостенела и чуть слышно сказала: “Ой, тепло, голубчик Морозушко!”» После этого Морозко награждает девушку дарами, и она благополучно возвращается домой.

Завистливая мачеха решает отправить и своих дочерей за вознаграждением. Сели они под деревом, а мороз страшный, холодно, мерзнут. «Морозко все ближе да ближе; наконец очутился на сосне, над девицами. Он девицам говорит: “Тепло ли вам, девицы? Тепло ли вам, красные? Тепло ли, мои голубушки?” — “Ой, Морозко, больно студено! Мы замерзли, ждем суженого, а он, окаянный, сгинул” Морозко стал ниже спускаться, пуще потрескивать и чаще пощелкивать. “Тепло ли вам, девицы? Тепло ли вам, красные?” — “Поди ты к черту! Разве слеп, вишь, у нас руки и ноги отмерзли”. Морозко еще ниже спустился, сильно приударил и сказал: “Тепло ли вам, девицы?” — “Убирайся ко всем чертям в омут, сгинь, окаянный!”» — и девушки окостенели. Наказал их Морозко до смерти.

Интересна реакция иностранных студентов на просмотр этой сказки в учебных целях (она была экранизирована в 1960-е гг.). Они никак не могли понять, в чем ее смысл. Одна девушка говорит неправду, обманывает старика и получает богатство. Другая — честная и искренняя, ей холодно, она так и говорит. А ее за это наказывают. Разве не загадочна эта русская душа?

Кстати, в начале 1990-х гг. на волне всплеска интереса к России фильм «Морозко» был переведен на английский язык и выпущен в Америке. Результат неожиданный и непредсказуемый — он оказался в числе 100 худших фильмов всех времен и вызвал жаркую дискуссию в Интернете, которая не прекращается по сей день⁷. «Ужасный, отвратительный фильм», «наркотический бред», «никогда не смотрите его», «ничего нельзя понять в сюжете», «неудивительно, что мы выиграли холодную войну, если русские любят

такие фильмы» — таковы комментарии американских зрителей. Начиная с 2000 г. к обсуждению горячо подключились российские и европейские пользователи Интернета, утверждающие, что только американцы, считающие весь мир одним большим Макдоналдсом, могли не понять эту прекрасную сказку (это далеко еще не самое обидное из высказываний). Словом, разгорелся настоящий конфликт культур.

Действительно, на первый взгляд в сказке отсутствует логика. Но русскому читателю, слушателю или зрителю понятно, что героиня сказки «Морозко» скромная, тихая, кроткая, т. е. воплощает любимые народные качества. Она не хочет утруждать своими проблемами пожилого человека, принимает свою судьбу такой, как она есть, не ропща и не жалуясь. Ее правда — в терпении и смирении. А мачехины дочери — эгоистки, думают только о том, что им холодно, шумят и ругаются, обзывают грубыми словами старика и не заслуживают снисхождения.

Совсем другие ценности мы находим в немецком аналоге «Метелица». В ней сразу появляются логика и рациональность. Русские сказки любят нелогичные и необъяснимые действия — жила себе падчерица, потом вдруг, безо всяких объяснений, ее отправляют умирать в лес, и все, хотя и огорчившись, понимают и принимают эту ситуацию. В немецкой сказке тоже нелюбимая падчерица совершает все-таки в начале пусть небольшой, но проступок — роняет веретено в колодезь. Ухватившись за этот предлог (он все-таки нужен!), мачеха велит ей достать веретено из колодца. Неожиданно в колодезе девушка встречает старушку, которая предлагает ей немного у нее пожить и поработать.

Девочка была прилежна и трудолюбива: «Она очень старалась угодить Метелице своей работой и взбивала перину так, что пух летел вокруг, будто снежные хлопья. Старушка полюбила прилежную девочку, всегда была с ней ласкова, и девочке жилось у Метелицы гораздо лучше, чем дома». Когда же она собралась все-таки вернуться домой, старушка наградила ее — полила золотым дождем.

Далее, как и в русском варианте, мачеха отправляет родную дочку за приданым. Та ныряет в колодезь, встречает старушку: «Вот и стала ленивица жить у бабушки Метелицы. В первый день она еще скрывала свою лень и делала, что ей велела старушка. Уж очень хотелось ей получить награду! Но на второй день она начала лениться, а на третий даже встать утром с постели не захотела, она совсем не заботилась о перине Метелицы и взбивала ее так плохо, что из нее не вылетало ни одного перышка. Бабушке Метелице очень не понравилась ленивая девочка»⁸. В результате последовало наказание — лентяйку облили смолой, и она стала замарашкой.

В немецких сказках на первый план выходит труд как мерило ценностей. Хороший человек — тот, который хорошо трудится, а зло воплощено в лени. Хорошая девочка в

немецком варианте трудолюбива и чистоплотна, она проходит испытание трудом (в русском варианте испытывают холодом на терпение и скромность). А плохая девочка — лентяйка и грязнуля, ничего не может и не хочет делать, за что и наказывается. И наказание вполне характерное — она становится на всю жизнь замарашкой и не может смыть с себя грязь. Что может быть неприятнее для немцев с их традиционным культом чистоты!

Таким образом, сказки играют двойственную роль: с одной стороны, они отражают национальный характер, дают возможность судить о распространенных в народе идеалах, своими сюжетами, героями, моралью отражают национальные представления о мире, о людях, о том, что такое хорошо, а что такое плохо. С другой стороны, именно сказки в значительной степени этот характер и формируют, с детства закладывая в сознание основные жизненные идеалы и приоритеты. Важной особенностью сказок является их вневременность — зародившись в древности, подвергаясь изменениям и наслоениям, в зависимости от исторической эпохи, они пронесли неизменными через века именно базовые важнейшие особенности русской культуры в широком смысле этого слова. То же самое относится и к местным вариантам, и к различным социальным и возрастным группам. Сказки объединяют русский мир в некое единое целое — вне зависимости от времени, пространства, социального статуса или возраста рассказчика и слушателя. Они являются великим объединителем русского (так же советского и российского) народа.

Бытование сказки в России

Существует множество свидетельств распространенности сказки в России. Во-первых, наличие специального термина — сказка. Из всех главных европейских языков только в русском и немецком существует специальное слово для этого явления. Во-вторых, существование огромного количества сказочных сюжетов и их вариантов, которые были записаны за последние 200 лет. В-третьих, серьезное и обстоятельное научное изучение сказок, начавшееся еще в XIX в., здесь русских исследователей опередили (по времени, а не по числу работ и концепций), пожалуй, только немецкие ученые. Наконец, об этом говорит и широкая популярность сказок, сохранившаяся в русском обществе до сегодняшнего дня. В большинстве стран они к настоящему времени стали анахронизмом и материалом для ученых трудов по фольклору. В России они сохранили свое значение, адаптировавшись и приняв новые формы — кино, мультфильмы, видео, сегодня они приспособились и к компьютеру. Но большая часть сказок по-прежнему рассказывается или читается детям, как и когда-то, их бабушками и мамами. Может быть, именно поэтому столь велико доверие к сказкам!

Трудно найти какую-либо конкретную причину столь широкого распространения и долговечности бытования сказок в России. Здесь сыграл свою роль тот факт, что Россия длительное время оставалась крестьянской страной, а крестьянство наиболее привержено традиционным формам фольклора и, связанное с землей и природой, дольше других сохраняет веру в чудо. Важно и то, что русский народ привык работать и отдыхать сообща, а хорошо известно, что сказка была популярна во время коллективных работ и посиделок. Несомненное значение имеет тот факт, что письменное слово долгое время было привилегией исключительно духовной литературы, а светская книга получила широкое распространение в стране довольно поздно. Размер страны также способствовал сохранению старых традиций времяпровождения, не случайно в поздний период, с конца XIX в., центр собирания и распространения русской сказки перемещается в Сибирь, куда, конечно, разного рода развлечения доходили медленнее и в меньшем количестве, чем это было в Центральной России.

Нельзя не упомянуть о высоком художественном значении народных сказок, наполненных замечательными поэтическими образами. Как прекрасно и точно описание течения дня. Шла девушка к бабе-яге, встретила по дороге трех всадников: белого, красного и черного. Удивилась она, решила бабу-ягу расспросить: «Я хочу спросить тебя, бабушка, только о том, что видела: когда я шла к тебе, меня обогнал всадник на белом коне, сам белый и в белой одежде: кто он такой?» — «Это день мой ясный», — отвечала баба-яга. «Потом обогнал меня другой всадник на красном коне, сам красный и весь в красном одет: это кто такой?» — «Это мое солнышко красное!», — отвечала баба-яга. «А что значит черный всадник, который обогнал меня у самых твоих ворот, бабушка?» — «Это ночь моя темная — все мои слуги верные!»

И конечно, сказки продолжают оставаться кладезем и хранилищем народной мудрости: «утро вечера мудренее», «скоро сказка сказывается, да не скоро дело делается», «не желай богатства, пожелай жену мудрую», «много будешь знать, скоро состаришься» и т. д. Это уже не просто национальная, а житейская мудрость.

То, что сказки всегда были распространены в первую очередь в народной среде, не вызывает сомнения, хотя письменных свидетельств этому практически не сохранилось. Об этом говорят персонажи — преимущественно крестьянские сыны или солдаты, подробности крестьянского быта, сохранившиеся в сказках, а превращение в конце сказки в царского зятя и безбедная жизнь лишний раз свидетельствуют о бедности рассказчиков и их слушателей, мечтавших о несбыточном. Письменные же источники свидетельствуют о том, что сказки были распространены повсеместно, вплоть до царских палат.

Известно, что царь Иван Грозный очень любил сказки и без них плохо засыпал. По свидетельству двух немцев Иоганна Таубе и Элерта Крузе, находившихся при царском дворе и пользовавшихся (совершенно напрасно) доверием грозного царя, именно так проводил вечера Иван Васильевич. Они наблюдали это в Александровской слободе. Сначала царь посещает вечернюю молитву. «После этого идет он ко сну в спальню, где находятся три приставленных к нему слепых старика; как только он ложится в постель, они начинают рассказывать ему старинные истории, сказки и фантазии, за одной другую. Такие речи, согласно его природе или постоянному упражнению, вызывают его ко сну...»⁹

С конца XVIII в. происходят важные изменения в духовной жизни страны — начинается все нарастающий процесс широкого распространения светской книги в русском обществе, проникавшей и в народную среду. Печатная книга перестает быть дорогой редкостью, она становится доступной каждому. В XIX в. возникают издательства, занимающиеся выпуском книг для народа — интересных и дешевых. Книга начинает теснить устное народное творчество.

Одновременно с этим происходят и другие изменения, жизнь русской деревни разнообразится, появляется больше развлечений и возможностей провести свободное время. Открываются библиотеки, в провинциальных городах появляются театры, в том числе и народные, развиваются средства коммуникации, путешествие становится более доступным. Конечно, не стоит преувеличивать масштаб подобных изменений: крестьянин по-прежнему в первую очередь связан с землей и сельскохозяйственным трудом, походы в театр и путешествия не являются для него делом обыкновенным. Но все-таки сказка начинает постепенно терять свое значение даже в крестьянской среде.

По мере проникновения образования в крестьянскую среду сказок начинают стесняться. Корреспондент Этнографического бюро князя В. Н. Тенишева сообщал из Владимирской губернии: «Взрослые сказок не любят и говорят, что это одно баловство. Считается, что дети зря обувь носят, если в школе задают на дом учить сказки. Сами дети сказки любят...»¹⁰ С одной стороны, понять крестьянина можно — сказки детям и дома расскажут, в школу он ходит за наукой. С другой стороны, очевидно, что перед городским человеком, задающим вопросы о крестьянской жизни, надо выглядеть прилично, Владимирская губерния в самом центре страны, не какое-нибудь захолустье. В этом большая проблема всех такого рода опросов — правду ли говорят или покрасоваться хотят, мол, мы тоже знаем, что сказки — это для детей, самим взрослым людям в любви к ним признаваться неловко.

В дворянской среде все эти процессы были еще более масштабными. В XIX в. разрыв между народной крестьянской и дворянской культурой все возрастал. С

распространением печатной художественной литературы, иностранных языков и книг в России дворянство и вообще образованная часть населения практически полностью отошла от фольклора. Если в допетровскую эпоху даже цари развлекались, слушая вечерами сказочников, то к началу XIX в. не самый «знатный» дворянин, в плане происхождения и крови, А. С. Пушкин пишет о «недостатках проклятого своего воспитания», которое было лишено сказок.

И в этот момент сказка в очередной раз демонстрирует свою «живучесть». Во-первых, ее начинают записывать и издавать в виде лубочных изданий для народа, отдельных книг, целых научных собраний. Из бесконечно подвижной и изменчивой формы сказка превращается в более статичную. Теперь ее не только рассказывают, но и читают.

Сказка продолжала существовать и в традиционной устной форме. Даже в дворянской среде увлечение ей продолжалось. С. Т. Аксаков с большой любовью вспоминал о ключнице Пелагее, которая ввела его в мир сказок. В автобиографической повести «Детские годы Багрова-внука» он описывает свое знакомство с Пелагеей и ее сказками: «По совету тетушки, для нашего усыпления позвали один раз ключницу Палагею, которая была великая мастерица сказывать сказки и которую даже покойный дедушка любил слушать. Пришла Палагея, не молодая, но еще белая, румяная и дородная женщина, помолилась Богу, подошла к ручке, вздохнула несколько раз, по своей привычке всякий раз приговаривая: “Господи помилуй нас, грешных”, села у печки, подгорюнилась одною рукой и начала говорить, немного нараспев: “В некиим царстве, в некиим государстве...”»¹¹ Аксаков вспоминает, что сказки захватили его целиком и полностью, из-за них он был готов забыть обо всем до такой степени, что его заботливая мать даже на какое-то время запретила их ему рассказывать. Уже взрослым он вспомнил Пелагею с ее сказками и записал чудесную сказку «Аленький цветочек».

Сказки продолжали жить и в русской деревне. Их рассказывали на посиделках, на постоянных дворах, во время коллективных работ, на досуге долгими зимними и осенними вечерами. Жила сказка в крестьянской семье, ее рассказывали детям, обучая их уму-разуму. Рассказывали их у костров «в ночном», в полевых станах, в пути. Сказочниками в этих случаях были сами односельчане, ремесленники, такие как, например, портные, переходившие от деревни к деревне, нищие, ямщики, няни, старики, на попечении которых оставляли детей. Особым местом была мельница, куда привозили зерно из окрестных сел и деревень и где иногда приходилось ждать своей очереди по несколько дней. Мельник, умевший мастерски рассказывать сказки, мог рассчитывать на большее число клиентов.

После революции, в советский период, начинается взлет интереса и внимания к русской сказке, хорошо продуманный и поддерживаемый правительством. Ее

воспитательное значение в жизни народа было оценено по достоинству и широко использовано. Она начинает новую жизнь. Во-первых, массово обретает печатный вид, а значит, теряет свою гибкость и изменчивость. Русские сказки печатались в советское время огромными тиражами, их иллюстрировали лучшие художники страны, многие издания стали подлинными художественными шедеврами. Их «причесывают» и «приглаживают» — убирают разговорные, устаревшие и местные слова и фразы, язык сказок осовременивается и становится гладким и понятным всем. Убирают грубости, жесткости и «страшилки», мертвецов, черепов, костей и съеденных людей становится совсем немного. В сказки, изложенные для детей, вводится логика и связь между событиями, от чего сказка много теряет, именно в абсурдности и нелогичности часто скрывается подлинное очарование народной сказки.

Во-вторых, появляется новый вид искусства — самый массовый — кино. Сказку начинают экранизировать. Позже сказки стали рисовать для экрана, появились мультипликации.

При всех тех потерях, которые понесли сказки как жанр, обретя «официальное» лицо, надо отметить, что в целом в советское время сказки укрепили свои позиции в русском обществе. Книжки, фильмы и мультипликации были неизбежны в новых исторических условиях, а главное, в новом информационном окружении. Сказка не только выжила, но и обрела новую, очень большую популярность. Она наглядно продемонстрировала свою живучесть и способность приспосабливаться к изменившимся условиям: стало понятно, как она смогла выжить и сохранить свое влияние на протяжении веков.

Так же как книжки готовили лучшие мастера своего дела, так фильмы и мультипликации делались очень профессионально, на высоком уровне. Актерский состав подбирался сильный, самые известные актеры своего времени с уважением относились к такому благородному делу, как воспитание подрастающего поколения. В результате получались прекрасные художественные произведения на основе старых сказочных сюжетов, которые с удовольствием смотрели не только дети, но и их родители, бабушки и дедушки.

Конечно, цари в таких фильмах часто сильно оглуплялись и становились злыми, а бедность героя особо подчеркивалась, в сюжет вводились классовые конфликты, которые практически отсутствуют в традиционной сказке, но это все не слишком затемняло главное. Идеи и идеалы сохранялись вполне традиционные — не в деньгах счастье, помощи ближнему, и тебе помогут, любовь и верность вознаграждаются, семейное счастье важнее любого богатства и т. д. И на них продолжали воспитываться поколения советских детей.

Таким образом, сказка продолжала оставаться связующим звеном не только между разными социальными группами, но и между совершенно разными историческими эпохами.

И в современное, сложное в идейном плане, время сказка выживает. Конечно, ее позиции сильно пошатнулись под воздействием иностранных фильмов и мультфильмов, из-за конкуренции с компьютерными играми, от снижения интереса к чтению вообще. Но все-таки мамы и бабушки еще помнят прекрасные книги и фильмы, на которых они выросли сами, да и воспитатели в детском саду ничего нового не придумали. Все еще трудно Тому и Джерри в воспитательном плане соперничать с царевной-лягушкой. Характерен диалог между продавцом в магазине видеофильмов и состоятельной дамой, подъехавшей на большом джипе к магазину: «У вас детские фильмы есть?» — «Вот, целая полка». После беглого взгляда: «Да нет, мне нужны старые, советские сказки». — «Что вы, их сразу разбирают!» Можно надеяться, что начинается возрождение интереса к традиционным сказкам и после очередного периода отрицания они займут свое место в жизни России.

Отражение особенностей русского характера в народных сказках

В центре внимания любой сказки находится герой. Именно вокруг него происходят разные события, ему помогают или мешают остальные персонажи, он теряет и находит, а в конце добивается счастья. У каждого народа свои любимые герои. Они часто воплощают не столько лучшие качества народа, сколько идеалы, бытующие в нем. Подлинные герои европейских сказок связаны с такими понятиями, как сила, смелость, победа в сражениях, физическая красота.

Любимым героем русской народной сказки является Иван-дурак. Имена, впрочем, могут быть и другие. Внешне неприметный, совершающий на первый взгляд глупые и ненужные поступки, не стремящийся ни к богатству, ни к славе, он в конце сказки получает в награду прекрасную царевну, а иногда и полцарства в придачу. Европейские сказки тоже любят образ дурака, но в них он позволяет высмеять недостатки народа, он так и остается до конца дураком, совершающим дурацкие поступки. Такие сказки-шутки в России тоже есть. Но Иван-дурак — это совсем другое дело. Он именно герой народной сказки и победитель своих врагов.

В знаменитой сказке про Сивко-бурко у отца было три сына. Младший, Иван-дурак, «ничего не делал, только на печи в углу сидел да сморкался». Перед смертью старик попросил своих сыновей каждого по три ночи провести на его могиле. Два старших вместо себя послали дурака. Он и получил от покойного отца щедрый подарок — прекрасного коня по кличке Сивко-бурко. С его помощью Иван смог достать до высокого окна царевны и

поцеловать ее (по другой версии — получает от нее перстень или платок). Заканчивается сказка пиром, на котором царевна пытается найти своего суженого. Приходит и Иван-дурак. Вот как сказка описывает своего героя: «...платишко на нем худое, весь в саже, волосы дыбом». Увидев его, «царевна обрадовалась, берет его за руку, ведет к отцу и говорит: “Батюшка! Вот мой суженый”. Братовой тут ровно ножом по сердцу-то резнуло, думают: “Чего это царевна! Не с ума ли сошла? Дурака ведет в сужены”. Разговоры тут коротки: веселым пирком да за свадебку. Наш Иван тут стал не Иван-дурак, а Иван — царский зять; оправился, очистился, молодец молодцом стал, не стали люди узнавать!»

За что же награждается Иван-дурак в этой сказке? Прежде всего, конечно, за то, что остался верен слову, данному отцу. Поленились его братья ночью идти на могилу — темно и страшно. С точки зрения здравого смысла они правы. Отцу уже все равно не поможешь, зачем же мучиться. Но для Ивана заветы отца важнее здравого смысла, и поэтому он «дурак».

Сила Ивана-дурака — и в этом также выразился своеобразный народный идеал — в простоте, искренности, отсутствии меркантильности и прагматизма. В то же время его старшие братья — умницы и прагматики — как раз и оказываются в дураках. Отсутствие практицизма это одновременно и отсутствие жадности, стяжательства.

Ворует кто-то репу на огороде. Остается Ванька караулить вора. Видит, ночью мальчик еле-еле тащит огромный мешок, надрывается. Попросил мальчик помочь ему донести мешок до дома, Ванька и помог. Ну не дурак ли? Потом он отказался от предложенного золота и серебра, а взял гусли-самогуды. Ну и, конечно, закончилось все царевной и «жизнью припеваючи».

Важной чертой Ивана-дурака является сострадание, он помогает всем, кто просит о помощи, даже если это и идет на первый взгляд во вред ему самому. Он отдает голодной зайчихе последний ломоть хлеба — поступок бессмысленный с точки зрения здравого смысла, а в трудный момент именно она приносит ему яйцо, в котором Кашеева смерть. Или накрывает птенцов от дождя своим платишком и мерзнет сам, а за это гигантская птица помогает ему вернуться домой. Так милосердие награждается. Умные братья употребляют свой ум в личных интересах — и наказываются.

Жалостливость и незлобивость дурака идут на пользу и самим братьям. В конце сказки герой часто прощает им все их козни, братья все-таки! У него нет чувства мстительности. Ему хорошо, так пусть и другим, даже злым братьям, будет тоже хорошо.

Еще одним важным качеством русского героя является скромность. Он не выскочка, не болтун, не хвастунишка. Да и такой ли он дурак, если разобраться? Он ничего не рассказывает братьям о Сивке-бурке, о поцелуе царевны, уж они бы не удержались и

похвастались. А если бы узнали о его похождениях, могли бы и помешать. Никто не воспринимает Ивана-дурака всерьез, и в этом тоже его сила.

Наконец, особое значение имеет внешность героя: она обычно подчеркнута простая, неказистая, герой физически непривлекателен. В сказке «...меньшой, Ванюша, — как недоросточек, как заципанный утенок, гораздо поплоче» своих старших братьев. Он сидит на печи, сморкается. Он вымазан сажей. Потому что это с точки зрения народного идеала не так и важно. Уже упоминавшееся популярное высказывание гласит: «Полюбите нас грязненькими, а чистенькими нас каждый полюбит». Старшие братья заботятся о своей внешности: «...старшие знай себе коней объезжают, кудри завивают, фабрятся, бодрятся родимые...» С точки зрения народного сознания сразу становится очевидно, что ничего хорошего от таких не жди.

Так, в сказках отразились народные идеалы, представления о добре и зле, о том, что важно для человека, а что второстепенно. Как мы видим, герой русской сказки — на первый взгляд незаметный, слабый, глупый, даже жалкий. Но в конце он победитель всех сильных и красивых, получает и принцессу и иногда сундук с добром или полцарства. В образе Ивана-дурака нашли отражение наиболее ценимые в народе качества — сострадание, готовность помочь ближнему не ради выгоды, а от души, незлобивость, верность слову, скромность. Главные же недостатки воплощены в людях практических, представляющих противоположность герою, таких, например, как его братья. Это жадность, равнодушие, болтливость, бессердечное отношение к ближнему, да и вообще ко всему живому.

Героиня русской сказки — мудрая, работающая, верная, скромная. Она часто спасает героя, выручая его в самых сложных ситуациях, дает ему советы, выполняет за него сложную работу. Как правило, она наделена еще и волшебными свойствами и умеет творить чудеса.

Герой может совершить глупость (например, сжечь лягушачью шкуру, хотя его просили этого не делать, уничтожить перышки) и тем навлечь на голову героини страшные беды. Или предать, как Финист — ясный сокол, который улетел, забыл про свою любимую и женился на другой. Но героиня все прощает ему и хранит верность до конца. Более того, часто знакомство героев начинается с какого-нибудь не слишком красивого поступка героя, как, например, кража.

«Любовь» героев в сказке «Морской царь и Василиса Премудрая» начинается с того, что царевич крадет сорочку, которую девушка скинула во время купания. Она умоляет его вернуть украденное, обещая пригодиться. И держит крепко свое слово: выполняет тайком все приказания морского царя — строит хрустальный мост, сажает за одну ночь сад. Когда же встает вопрос о женитьбе, сама подсказывает царевичу, как ее найти, и выходит за него

замуж. Более того, она помогает герою бежать домой, хотя и знает, что он забудет ее на родине.

Конечно, в сказках идеи приобретают утрированные формы, чтобы донести идею до слушателя во всей полноте. Но очевидно, что в героине такой сказки главным является верность, преданность, терпение, смирение.

Героини прощают даже измену героя. Это герой может себе позволить обидеться и уйти, героиня уходит, только если ее вынуждает к этому злое волшебство. В популярной в России и очень древней по происхождению сказке о Финисте — ясном соколе злые сестры, заподозрив, что к их младшей сестре прилетает Финист, натыкали острых ножей на окно. Финист прилетел, порезался, обиделся и улетел навсегда. Кстати, плохие сестры, как и братья Ивана-дурака, тоже плохи тем, что себя любят, красуются, о нарядах и женихах думают, что, казалось бы, естественно для молодых девушек, но осуждается, противопоставляясь хорошей младшей, которая озадачила отца поисками странного перышка Финиста — ясна сокола. Не только не обидевшись, но как бы даже ощущая свою вину за потерю любимого, отравляется героиня на его поиски. Уж что только девушка бедная ни делала — три пары железных башмаков износила, три железных посоха изломала, к бабам-ягам ходила, на работу устраивалась. И все это для того, чтобы обнаружить, что ее возлюбленный уже спокойно женился на другой. С большим трудом, хитростью и волшебством, вернула героиня себе своего Финиста, а потом они, как и положено, зажили счастливо.

При всех таких замечательных достоинствах героиня никогда не выпячивает своих заслуг, всегда остается в тени героя. Она только его помощница и покорна ему, принимая его таким, какой он есть. Если даже героиня видит, что герой совершает неразумные поступки, но не может остановить его, она, смирившись, следует за ним, а потом помогает ему выпутаться. Но чаще всего герой слушает свою разумную жену, даже если и не понимает ее поступков, а ее советы идут вразрез со здравым смыслом. Он как бы признает, что ей дано предвидеть больше, чем ему.

Судьбы героя и героини тесно переплетены друг с другом. Только вместе они способны строить счастливую жизнь. Со встречи с героиней начинается возвышение, просветление, вразумление (если он «дурак») героя, с ней, как правило, связаны и испытания, через которые он должен пройти. Но и героиня без своего героя ничто — лягушка лягушкой или прекрасная птица. Ее женское начало, разум, даже волшебные свойства нередко раскрываются только от необходимости бороться за героя и счастье.

В русской сказке «Поди туда — не знаю куда, принеси то — не знаю что» Федот стрелец ранил птицу, но, вняв ее просьбе, не убил, а принес домой. Оказалась она

красавицей-царевной, на которой он женился. Федот во всем слушается жены — говорит: возьми денег в долг, берет, говорит: купи шелку, покупает. Жена же при этом — все для мужа, для семьи, своей красотой и царским званием совсем не гордится, жалеет его по-бабьи, что трудится много, устает, а живут в бедности. С помощью волшебства решила она его от работы избавить (видимо, чтобы он вместо работы дома на печи лежал), соткала прекрасный ковер. Из-за этого влюбился в нее царь, отправил Федота «туда — не знаю куда», а сам к красавице свататься. Но она верна мужу, не соглашается. Интересно, что самого Федота никто и в грош не ставит. Баба-яга говорит: «Сам-то он простой человек, извести его нетрудно бы — все равно, что щепоть табаку понюхать! Да жена у него больно хитра». А он между тем и Шмата-разума добротой на свою сторону переманивает, и купцов обманывает, и богатство для семьи добывает.

Героини русских сказок бывают иногда очень красивыми и получают прозвание Прекрасная. Но чаще всего о внешности героини просто ничего не упоминается, так как это дело второстепенное. Главное достоинство героини западноевропейских сказок, как правило, красота. Она может быть глупой, вредной, жестокой, но ей все прощается, потому что она прекрасна. Кстати, умные женщины в таких сказках обычно воплощают злое начало, вредят героине и нередко стремятся к тому, чтобы лишить ее главного достоинства — красоты.

В русских сказках красавицы прекрасны подчеркнуто сказочной красотой — «ни в сказке сказать, ни пером описать», говорят про них. Ну кто в самом деле в обычной повседневной жизни будет радоваться звезде во лбу или месяцу под косой. Их красота — это своего рода лягушачья кожа или птичьи перышки, нужна только в первый момент встречи, чтобы привлечь внимание героя, завязать знакомство. Красота важна в европейский рыцарской культуре любовного поклонения женщине как невесте или любовнице. В русском же сознании, в сказке женщина прежде всего жена и мать, пусть даже будущая и потенциальная, хозяйка дома, работница, тут важнее совсем иные качества, а не внешняя красота.

С героем и героиней связана центральная для русских сказок тема — семейная жизнь. В начале сказки герой, как правило, покидает семью, в конце, после испытаний и странствий, возвращается с молодой женой или же, если некуда вернуться, создает новую. Именно создание семьи является высшей наградой герою, добрая жена становится венцом его испытаний и подвигов. Очевидно, что это отражает то особое место, которое семья занимала в русском мире в целом.

Основа семейного счастья в сказках — судьба, суженость. Не любовь и страсть, а предназначение имеет решающее значение при выборе пары. Да и выбора как такового

чаще всего нет. Сказка сознательно, вплоть до абсурда, избегает хоть каких-либо объяснений на тему — почему полюбили. Крадет стрелец у Марьи-царевны Премудрой крылышки. Она обнаруживает пропажу и зовет: «Коль стар человек — будь мне батюшка, а старушка — будь мне матушка; коли млад человек — будь сердечный друг, а красная девица — будь родная сестра!» Вот начало любви, прошедшей потом через трудные испытания.

Еще с большей остротой проявляется тема предназначения в семейном счастье в сказке «Царевна-лягушка». Она же показывает, что покорна судьбе не только героиня, но и герой. Все знают начало сказки. Было у царя три сына. Пришла им пора жениться, дал им отец по стреле и велел натянуть луки. Кто найдет их стрелу, на той и женятся. То есть здесь выбор определяется судьбой, независимо от их желаний, для всех троих сыновей. Двум старшим повезло — им достались генеральская и купеческая дочери. А младший пустил свою стрелу в болото (в некоторых вариантах еще и «грязное», чтобы усилить неприятное чувство), и нашла ее лягушка. Глупость, казалось бы, ошибка, но герой увидел в этом перст судьбы: «Иван-царевич призадумался, заплакал: “Как я стану жить с лягушей? Век жить — не реку перебрести или не поле перейти!” Поплакал-поплакал, да нечего делать — взял в жены лягушу». Далее следует подробность, чтобы никто не сомневался, что лягушка самая что ни на есть обыкновенная: «Их всех обвенчали по ихнему там обряду; лягушу держали на блюде».

Сказка долго держит слушателя в напряжении — Иван живет с лягушкой, а девушкой она оборачивается и чудеса творит, только когда он спит. И только случайно он узнает о ее волшебных свойствах, сжигает кожу и навлекает на обоих несчастье. Теперь ему предстоит вернуть свою суженую, доказать, что он ее достоин. Мораль проста: ты полюби лягушку, поживи с ней, храни ей верность, а там, глядишь, она и станет царевной, хотя бы для тебя.

Европейскую Золушку принц полюбил в облике прекрасной принцессы в роскошном платье и, как честный человек, женился на ней, хотя она и оказалась не той, за кого себя выдавала, всего лишь жалкой дочерью лесничего. В русских сказках ситуация обратная: герой женится на лягушке, убогом существе, а она потом превращается в прекрасную царевну. Сначала жалость к несчастному существу, потом немного терпения и красавица-жена, да еще и с приданым. Во всяком случае, в сказке. Многие верят и терпеливо ждут. Терпение также относится к числу качеств, любимых и ценимых русским народом, недаром поговорка говорит: «Стерпится — слюбится».

Есть в сказках и другие замечательные персонажи. Добрые, которые помогают героям, и злые, которые мешают их счастью. Среди помощников часто оказываются

спасенные героями животные и даже неодушевленные предметы, а также таинственные старики и старушки, которые помогают в благодарность за полученную краюху хлеба, а еще чаще — за доброе ласковое слово. Злодеи тоже совсем непростые — Кощей Бессмертный, который оказывается смертен, Змей Горыныч, чьи головы надо отрубить все сразу, а то они отрастают заново, морской царь, заманивающий всех к себе под воду. Кощей хочет непременно жениться на героине, для чего и крадет ее, Змей — уничтожить всю русскую землю, морской царь — сохранить своих дочерей и утопить как можно больше людей. Но они не могут противостоять силам добра.

Один персонаж стоит особняком и представляет особый интерес. Это — баба-яга, встречающаяся исключительно в славянских сказках. Она, в зависимости от ситуации, может помогать, а может вредить героям.

Много споров ведется по поводу происхождения и значения ее образа. Кто-то считает ее сторожем потустороннего мира, кто-то — повелительницей всего живого, кто-то — воплощением самой матери-сырой-земли. Есть много загадочного в ее натуре, поведении, внешнем облике, атрибутике.

Например, нет единого мнения по поводу загадочной фразы, которой баба-яга встречает героя: «Русским духом пахнет». Что это за дух такой особый, на который она обращает внимание? В. Пропп считает, что это говорит о том, что к ней пришел живой человек, а она привыкла иметь дело с мертвыми, бестелесными и непахнущими¹² (правда, это не объясняет, почему именно русский). Ю. С. Степанов считает, что эта фраза «выставляет ее как чужую, не русскую»¹³. Он же пишет и о существовании реальных «этнических запахов».

Баба-яга живет в избушке на курьих ножках, летает в ступе, у нее костяная нога и огромные зубы. Она — хранительница огня (в сказке «Василиса Премудрая»), золотых яблок (в сказке «Гуси-лебеди»), множества волшебных предметов (клубочка, показывающего дорогу, богатырского коня и др.), а главное — знания волшебной жизни. Она всегда знает, где найти украденную героиню, как к ней добраться и как ее отвоевать у врагов, которые, кстати, часто являются ее же родственниками. Она своего рода посредник между миром простых людей и иным, сказочным.

Образ бабы-яги хорошо показывает всю глубину, сложность и неоднозначность русских сказок, их психологизм и понимание жизни. Там, где речь идет о необходимости продемонстрировать четкие идеалы, они статичны и условны. Баба-яга — не хорошая или плохая, как, казалось бы, должно быть в сказках, а разная, как в жизни. Найдешь нужные слова, общий язык — будет помощником, а нет — так и съесть может или еще как-нибудь

известии. Характерно, что бабу-ягу, в отличие от Кощея или Змея, почти никогда не уничтожают.

Какой же ключик находят к ней герои? Кто-то завоевывает ее доверие лаской, кто-то — беспомощностью ситуации, кто-то — старательным трудом, кто-то — хитростью. Но самый распространенный способ — напомнить ей об обязанностях хозяйки. И здесь также проявляются особенности русской культуры и отношения к жизни. Избушка стоит в лесу, вокруг нет жилья. Путник-герой приходит к ней в дом и сталкивается с ее недоброжелательностью. Особенно раздражает бабу-ягу «русский дух». Но герой не теряется, отвечает ей: «Ну, старая, чего кричишь? Ты прежде напой-накорми, в баню своди, да после про вести и спрашивай». Законы гостеприимства оказываются святы. Вспомнив о своих обязанностях хозяйки, баба-яга ведет его в баню (не для того ли, чтобы «русский дух» отмыть?), потом кормит-поит, спать укладывает. Строго спрашивает: «Что, добрый молодец, дела пытаешь иль от дела лытаешь?» Как будто это важно для нее, серьезный он человек или так, время проводит. Герой рассказывает бабе-яге про свою беду. После этого убивать или есть героя невозможно — хлеб преломили, в доме ее поспал, напомнил ей о том, что она хозяйка. Остается только помогать. В печке баба-яга пытается пожарить только детей малых и неразумных, которые подхода к ней не знают, да и то они все равно от нее сбегают.

В сказках раскрывается множество отдельных черт характера русского человека и особенностей его внутреннего мира и идеалов.

Однозначным является отношение к богатству. Жадность воспринимается как большой порок. Бедность же является достоинством. Это не значит, что нет мечты о достатке: трудности крестьянской жизни заставляли мечтать о скатерти-самобранке, о печке, в которой «и гусятини, и поросятини, и пирогов — видимо-невидимо! Одно слово сказать — чего только душа хочет, все есть!», о невидимом Шмате-разуме, который стол яствами накрывает, а потом убирает и т. д. И о волшебных замках, которые за один день сами строятся, и о полцарстве, за невесту полученном, тоже было приятно помечтать долгими зимними вечерами. Но богатство достается героям легко, между делом, когда они о нем и не думают, как дополнительный приз к хорошей невесте или спасенной жене. Стремящиеся к нему как самоцели всегда наказываются и остаются «у разбитого корыта».

Своеобразным представляется отраженное в сказках отношение русского народа к труду. Вот, казалось бы, непонятная с точки зрения идеалов сказка про Емелю-дурака. Лежал он всю жизнь на печи, ничего не делал, да еще и не скрывал причины, отвечал «Я леньюсь!» на все просьбы о помощи. Пошел как-то по воду и поймал волшебную щуку. Продолжение хорошо знакомо всем: щука уговорила его отпустить ее назад в прорубь, а за

это обязалась выполнять все желания Емели. И вот «по щучьему веленью, по моему прошенью» сани без лошади везут дурака в город, топор сам дрова рубит, а они в печь складываются, ведра маршируют в дом без посторонней помощи. Мало того, Емеля еще и дочку царскую заполучил, тоже не без вмешательства волшебства. Конеч, правда, все-таки обнадеживающий (в детских пересказах его почему-то часто опускают): «Дурак, видя, что все люди как люди, а он один был нехорош и глуп, захотел сделаться получше и для того говорил: “По щучьему веленью, а по моему прошенью, кабы я сделался такой молодец, чтоб мне не было подобного и чтоб был я чрезвычайно умен!” И лишь успел выговорить, то в ту ж минуту сделался так прекрасен, а притом и умен, что все удивлялись».

Эту сказку часто трактуют как отражение извечной склонности русского человека к лени, безделью. Говорит же она, скорее, о тяжести крестьянского труда, рождавшего желание отдохнуть, заставлявшего мечтать о волшебном помощнике. Да, если тебе повезет и ты поймаешь чудо-щуку, можно будет с удовольствием ничего не делать, лежать на теплой печи и думать о царской дочке. Все это, конечно, также нереально для мечтающего об этом мужика, как ездящая по улицам печка, и ждет его обычная трудная повседневная работа, но помечтать-то о приятном можно.

Сказка раскрывает и еще одно отличие русской культуры — в ней нет святости понятия труда, того особого трепетного отношения, на грани «труд ради самого труда», которое свойственно, например, Германии или современной Америке. Известно, например, что одной из распространенных проблем у американцев является неумение расслабиться, отвлечься от дела, понять, что ничего не случится, если на неделю уехать в отпуск. Для русского человека такой проблемы нет — отдыхать и веселиться он умеет, а работу воспринимает как неизбежность.

Иногда герои награждаются за свое страдание. Эта тема также особо любима русской сказкой. Часто симпатии оказываются на стороне героев (еще чаще — героинь) не в силу их особых качеств или совершаемых ими поступков, а из-за тех жизненных обстоятельств — несчастье, сиротство, бедность, — в которых они оказались. В этом случае спасение приходит извне, ниоткуда, не как результат активных действий героя, а как восстановление справедливости. Такие сказки призваны воспитывать сострадание, сочувствие к ближнему, чувство любви ко всем страждущим. Как тут не вспомнить мысль Ф. М. Достоевского о том, что страдание необходимо для человека, т. к. укрепляет и очищает душу.

Свидетельствуют русские сказки и об особой вере русского человека в значение сказанного слова. Так, существует отдельный цикл из разряда сказок-легенд, в котором весь сюжет завязан на разного рода случайно вырвавшихся проклятиях. Характерно, что

известны только русские варианты подобных сказок. В одной из них, например, сын, проклятый матерью еще во чреве, попал в руки к нечистой силе. По очереди все едут его выручать — отец, потом мать, потом жена. Спасает, конечно, жена, не побоявшаяся прыгнуть за ним в прорубь к чертям со словами «Друг мой сердечный, закон неразлучный! Теперь я от тебя не отстану!.. Ты в воду, и я за тобой!» (229). В волшебных сказках также подчеркивается важность произнесенного слова, необходимость держать его: пообещал жениться на той, которая найдет стрелу, — надо выполнять; сдержал слово и ходил на могилу к отцу — будешь награжден; произнесла обещание выйти замуж за того, кто украл крылышки, — выполняй. Этими простыми истинами наполнены сказочные сюжеты.

Слово открывает двери, поворачивает избушку, разрушает чары. Пропетая песенка возвращает память мужу, забывшему и не узнавшему свою жену, козленочек своим четверостишием (кроме него, видимо, он ничего говорить не умеет, иначе бы объяснил, что случилось) спасает сестрицу-Аленушку и себя. Слову верят, без всякого сомнения. «Я тебе пригожусь», — говорит какой-нибудь зайчик, и герой отпускает его, уверенный (как и читатель), что так и будет.

Еще в русских сказках, как и в русском народе, сильна вера в чудо. Конечно, все волшебные сказки в мире строятся на каких-то необыкновенных событиях. Но нигде чудесное так не довлеет над сюжетом, как в русских. Оно нагромождается, переполняет действие, иногда оно даже и не нужно для развития событий. И в него всегда верят, безоговорочно и без тени сомнения. Невольно возникает параллель с днем сегодняшним. Уже сколько лет дурят русского человека, а все равно он верит и покупается. Другие народы уже поняли бы, что нельзя ездить по супердешевым путевкам в Турцию и Египет или верить в какие-то мифические работы, где за месяц заплатят столько, сколько в другом месте за всю жизнь, а все равно верят — и едут, и обманываются, и возвращаются разочарованными, и опять едут. Россия поистине благодатная почва для мошенников, настолько сильна в народе вера в чудо и в то, что лучшее все-таки возможно.

Наконец, русские сказки удивляют часто отсутствием логики и здравого смысла. Сказочники даже не пытаются связать или объяснить явления. Кажется, что они часто вполне сознательно избегают этого. Потому что все это не нужно, только затемняет внутреннюю мысль и логику повествования. Именно поэтому русские сказки так трудно понять народам с рациональным мышлением. Так же как трудно понять и поступки русского человека (не отсюда ли выход — идея о загадочной русской душе, хоть как-то объясняющая то, что происходит).

Вот типичный диалог (сказка «Летучий корабль»): «Старик спрашивает дурня: “Куда идешь?” — “Да царь обещал отдать свою дочку за того, кто сделает летучий

корабль”. — “Разве ты можешь сделать такой корабль?” — “Нет, не сумею!” — “Так зачем же ты идешь?” — “А Бог его знает!”» (144). За этот замечательный ответ (потому, что он честный?) старик помогает герою добыть царевну. Это вечное странствие «не знаю куда», в поисках «не знаю чего» присуще русским сказкам и русской жизни.

Почему героиня любит никудышного героя? Откуда герой, никогда не покидавший ранее родного дома, знает, какие слова сказать избушке, чтобы она повернулась «к нему передом», а какие — бабе-яге, чтобы она его не съела? Почему купец не удивляется, когда жена просит его купить ей «чудо-чудное, диво-дивное»? Каким образом герой добирается «туда, не знаю куда» и находит «то, не знаю что». Сказки не дают ответа на эти вопросы. Да они не нужны ни слушателю, ни читателю.

Сказки раскрывают все важнейшие стороны русской жизни. Практически все основные темы, которые будут рассмотрены в последующих главах, в той или иной степени затронуты в народном фольклоре. Сказки — неисчерпаемый источник сведений о национальном характере. Сила их и в том, что они не только раскрывают его, но и создают.

¹ Пушкин А. С. Полное собрание сочинений. В 16 тт. Т. 13. М.-Л., 1937. С. 120-121.

² Грубецкой Е. Три очерка о русской иконе. Приложение. М., 2000. С. 315.

³ Веселовский А. Н. Собрание сочинений. Т. 16. М.-Л., 1938. С. 221.

⁴ Английские народные сказки / Сост. и пер. Н. Шеришевской. М., 1957. С. 108.

⁵ Пересказ и цитирование сказок дается по: Афанасьев А. Н. Народные русские сказки. В 3 т. Сер. «Литературные памятники». М., 1984. В скобках указывается номер сказки.

⁶ Там же.

⁷ Интересующиеся могут познакомиться с ней на сайте www.imdb.com

⁸ Братья Гримм. Госпожа Метелица. М., 2005. С. 7.

⁹ Послание Иоганна Таубе и Элерта Крузе // Русский исторический журнал. Кн. 8. 1922. С. 40.

¹⁰ Быт великорусских крестьян-землепашцев. СПб., 1993. С. 166-167.

¹¹ Аксаков С. Т. Собрание сочинений. В 4 т. Т. 1. М., 1955. С. 495.

¹² Пропп В. Я. Исторические корни волшебной сказки. М., 2000. С. 47.

¹³ Степанов Ю. Константы: словарь русской культуры. М., 2001. С. 840.